

Власть прошлаго ¹⁾.

На вторую зиму вы́зды ей ужъ надо́бли. Митюша сталъ занятнымъ, интереснымъ ребенкомъ, началъ лепетать, понимать; его отняли отъ груди и наняли хорошую, опытную няню.

Но Наташа ей все-таки же не довѣряла и стала почти безвыѣздно сидѣть дома.

— Наташа, что же ты не одѣваешься? опять не ѣдешь къ Бревернъ сегодня? говорилъ Андрей Александровичъ, входя въ сюртукъ съ эполетами, въ дѣтскую, гдѣ на большомъ мягкомъ коврѣ, среди комнаты, сидѣла Наташа въ блузѣ съ распущенной косою и строила изъ кирпичиковъ замысловатую башню. Митюша топтался около нея, собиралъ разбросанные по коврику кубики, падалъ на тутъ же лежащія подушки и заливался дѣтскимъ яснымъ смѣхомъ. Отрываясь на минуту отъ своего серьезнаго занятія, Наташа поднимала глаза на мужа; взглядъ ея съ чувствомъ тайной гордости и удовлетвореннаго самолюбія скользилъ по элегантно и стройной фигурѣ; отъ Андрея Александровича вѣяло молодостью и здоровьемъ; тонкимъ надушеннымъ платкомъ разглаживалъ онъ свои усы.

— Нѣтъ, голубчикъ мой, не поѣду! рѣшила она, вновь принимаясь за работу. Ну, развѣ можно уѣхать отъ него? Ну, какъ его оставить!

— Но вѣдь съ нимъ няня, слабо протестовалъ Андрей Александровичъ.

— То няня, а то я! Нѣтъ, поѣзжай, родной мой, а я ужъ посижу дома. Приѣдешь, расскажешь, какъ все было. Замѣть, пожалуйста, въ какомъ туалетѣ будетъ княжна Завадская...

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

Она вставала съ ковра, поднимала къ нему сына.

— Ну, Митюша, крести папу! Скажи: папа, прощай и будь пай!

Ребенокъ безсвязно лепеталъ и тыкалъ отца пальчиками въ лобъ и въ грудь. Андрей Александровичъ обнималъ жену и сына и въ веселомъ настроеніи духа отправлялся въ гости. Онъ любилъ общество и не могъ жить безъ него. Да и его вездѣ встрѣчали съ распростертыми объятіями.

Веселый, разговорчивый, всегда умѣвшій угодить и понравиться дамамъ, онъ былъ всегда душою вечеринокъ или пивниковъ, которые рѣдко устраивались безъ него.

За Наташей было дано небольшое приданое, тысячь тридцать; потомъ былъ еще домъ въ Москвѣ, имѣніе. До продажи всего этого доходы дѣлились, конечно, между всѣми сестрами; молодые Скарятинны могли жить безбѣдно. Андрей Александровичъ не пилъ, не кутилъ, въ карты игралъ и проигрывалъ постолько, поскольку это требовалось отъ свѣтскаго человѣка.

— А что, если мы купимъ съ тобою домишко? сказалъ онъ какъ-то Наташѣ. Подумай — свой уголокъ, отдѣлаемъ его по своему вкусу; вѣдь это, должно быть, очень пріятно сознавать, что каждый гвоздь—твой!

— Ну, что же, покупай, дружокъ, дѣлай, какъ хочешь! Ты знаешь, вѣдь я ничего не понимаю въ денежныхъ дѣлахъ.

Такъ говорила Наташа, озабоченная въ то время прорѣзываніемъ глазныхъ зубовъ у Митюши.

Случай представился. На Пречистенкѣ, въ одномъ изъ переулковъ съ аукціона продавался домъ. Андрей Александровичъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ его пріобрѣлъ чуть не даромъ. Но домъ былъ—рухлядь, и на него пришлось положить изрядную сумму, чтобы сдѣлать его обитаемымъ. Процентныя бумаги лежали у Андрея Александровича въ столѣ, но онъ никогда не трогалъ ихъ, не предупредивъ Наташу.

— Наташа, знаешь — этихъ трехъ тысячь, что я взялъ на той недѣлѣ—не хватило, говорилъ онъ, немного конфузясь. Придется, пожалуй, взять еще столько же. Какой я паркетъ купилъ, какія ручки къ дверямъ—одинъ восторгъ! И, знаешь, прямо гроши стоятъ! Не знаю, какія лучше размѣнять, продолжалъ онъ озабоченнымъ, дѣловитымъ тономъ, рязанскія ли акціи, или государственную ренту? Какъ ты думаешь?

Что она думала—это было очень трудно сказать.

— Какія смѣшныя бумажки! говорила она, глядя, какъ онъ перебиралъ процентныя бумаги.

— А это что?

— Это я рѣжу купоны — это тѣ же деньги, пояснялъ онъ. Смѣшныя бумажки таяли одна за другой.

Къ тому же времени и дѣла стариковъ Скарятинныхъ стали запутываться. Домъ на Покровкѣ, которымъ они владѣли, былъ заложенъ и перезаложенъ. Василій и Сергѣй, одинъ въ уланахъ, другой въ гвардіи кутили и должны. Самъ Александръ Николаевичъ, привыкшій жить всегда не по средствамъ, не сумѣлъ и сыновьямъ своимъ внушить, что слѣдовало, т.-е. аккуратность и расчетливость; его отцовскому самолюбію льстило, что его сыновья—блестящіе гвардеецъ и кавалеристъ.

Впрочемъ, Василій дѣлалъ хорошую партію и женился на очень богатой дѣвушкѣ изъ купеческой семьи. Хорошая Елена Ивановна, какъ ни старалась сводить концы съ концами — не могла ничего сдѣлать. Боготворя своего мужа, она не могла не баловать его; и иногда, когда въ домѣ не было лишняго рубля на что-нибудь нужное и необходимое — Александру Николаевичу подавали рябчикъ и артишокъ.

— Вогъ прошелся и аппетитъ хогошій нагулялъ! говаривалъ онъ, картавя, вернувшись въ ясный морозный день съ прогулки и ходя по столовой въ ожиданіи обѣда, засунувъ зазябшія руки въ карманы своихъ брюкъ. Онъ былъ не по лѣтамъ моложавъ и подвиженъ.

Такъ прошелъ еще одинъ годъ. Митюша уже бѣгалъ молодцомъ и начиналъ много болтать. Наташа была такъ счастлива, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ.

Въ дневникѣ она писала:

„Слишкомъ, слишкомъ много счастья! Я не стою его! За что только Господь посылаетъ его мнѣ! Андрей и Митюша— вотъ моя жизнь, весь мой свѣтъ! Не знаю, который изъ двухъ дѣлаетъ меня болѣе счастливой? Что дороже мнѣ? Сознательная ли любовь друга — мужа, или бессознательная — младенца сына? Молю Господа лишь объ одномъ, чтобы Онъ помогъ мнѣ быть достойной женой и примѣрной матерью, чтобы я могла сдѣлать счастливыми ихъ, моихъ дорогихъ голубчиковъ!“

Но горе и скорбь подстерегали свою жертву. И какое горе! Самое великое, которое только можетъ испытать женщина-мать. Удары судьбы — неизбѣжны. Какъ волны прибоя несутся они на берегъ и мѣрно и безслѣдно сметають людскія жизни. А

эти маленькія жизни! Какъ цвѣты, распустившіеся на разсвѣтѣ, они не доживаютъ и до утра. Ихъ отчизна не здѣсь! Изъ далекихъ краевъ примчались эти Ангелы къ намъ, освѣтили мимолетнымъ лучемъ нашу грѣшную жизнь и вновь умчались къ своимъ роднымъ небесамъ!

Въ тотъ годъ въ Москвѣ свирѣпствовали страшныя эпидеміи; впрочемъ, когда ихъ не было! Дифтеритъ, скарлатина дѣлали свое ужасное дѣло. Осиротѣвшія матери неутѣшно рыдали надъ маленькими гробиками, лишались разсудка и въ своемъ безуміи грозили небесамъ.

Однѣ кричали свое горе, другія падали въ изнеможеніи подъ этими ударами судьбы и отказывались продолжать жить. А безжалостная смерть косила и косила...

Настали святки. Тихо зажглась на небѣ Рождественская звѣзда. Но не для всѣхъ засіяла она радостно! Въ домѣ Скарятинныхъ скорбь и слезы. Митюшѣ уже съ утра неможилось. Вечеромъ должны были зажечь елку, приготовленную и увѣшанную съ такой любовью. Но, не дождавшись вечера, Наташа принесла больному ребенку чуть не всѣ игрушки, предназначенныя ему.

— Радость моя, мальчикъ мой! вотъ, смотри: лошадка съ телѣжкой, птичка въ клѣткѣ, паецъ! Взгляни, какъ онъ поднимаетъ ручки! Разъ, два!..

И Наташа, стоя на колѣняхъ передъ Митюшей, котораго держала няня, показывала ему всѣ эти занятныя вещички и смѣялась, громко смѣялась, желая заглушить все то, что подымалось и шумѣло въ головѣ и сердцѣ.

Но ребенокъ, лѣниво протянувъ сперва ручонки и улыбнувшись лишь однѣми губками (въ глазахъ уже было страданіе), отвернулся и заплакалъ.

Къ вечеру пріѣхалъ докторъ и поставилъ ужасный діагнозъ: скарлатина.

Наташа обезумѣла.

— Какъ? Скарлатина! Зачѣмъ скарлатина? Зачѣмъ такой ужасъ! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

Но жестокая судьба не отвѣчаетъ намъ, и все совершается, какъ предназначено свыше.

Цѣлую недѣлю страдалъ и мучался Митюша; скарлатина, осложнившаяся дифтеритомъ, наложила свою тяжелую десницу на бѣднаго ребенка и унесла еще одну жертву. Въ канунъ

Новаго года, въ страшныхъ мученіяхъ скончался бѣдный Ангелъ!..

Наташа, бѣдная Наташа! развѣ можно сказать, повѣдать человѣческими словами эти нечеловѣческія мученія матери, смотрящей на умирающаго ребенка! Она не помнитъ, что съ ней было. Убитый, весь въ слезахъ, склонился Андрей Александровичъ надъ женою и поднялъ ее. Наташа стояла на кофѣняхъ около кровати, припавъ лицомъ къ дорогимъ холодѣющимъ ножкамъ. Она не плакала, не молилась. Она окаменѣла.

Рано утромъ на другой день, когда всѣ въ домѣ, потрясенные страшнымъ событіемъ и утомленные всевозможными грустными хлопотами, еще спали, Наташа, проснувшись отъ тяжелаго долгаго сна (она семь сутокъ не смыкала глазъ), очнулась и пришла въ себя. Ужасная дѣйствительность заставила ее содрогнуться. Неужели это правда? Неужели его нѣтъ? Неужели вотъ сейчасъ не отворится дверь и онъ веселенькій, здоровенькій не вбѣжитъ въ спальню, топоча своими крошечными ножками! Подбѣжить къ ея кровати и, становясь на цыпочки и цѣпляясь ручонками за подушки, тихо скажетъ: „Мама, ти ба-бай“!

Старуха-няня бѣжить за нимъ, ворчить и ловить его. Но мамыны руки успѣли схватить свое сокровище. Она прижимаетъ его къ себѣ, прячетъ подъ одеяло, а онъ, зарывшись личикомъ у нея на груди, кричитъ звонкимъ голоскомъ: „Мика тю-тю“!

И вотъ его нѣтъ! Онъ не прибѣжитъ больше! Она его больше никогда не увидитъ, не услышитъ! Но гдѣ же онъ, гдѣ онъ?

Наташа встаетъ и тихими шагами идетъ въ маленькое зальце, открываетъ дверь. Вотъ на столѣ, покрытое бѣлой простыней, лежитъ то, что когда-то было Митюшей. Дрожащей рукой отдергиваетъ она бѣлую ткань и съ ужасомъ отшатывается назадъ, закрывъ лицо руками. Желтое потемнѣвшее личико, глазки сомкнуты, губки строго стиснуты; золотыя кольца волосъ приглажены и аккуратно лежатъ на подушкѣ.

— Мальчикъ, ангелъ мой, жизнь моя! зачѣмъ ты меня оставилъ! Зачѣмъ, куда ушелъ!..

И Наташа припадаетъ къ холодному тѣльцу, обнимаетъ его, цѣлуетъ.

— Господь Вседержитель! Царица Небесная, зачѣмъ отняли Вы его у меня! Я такъ его любила, такъ его берегла! За что такое мученье! Что я сдѣлала, чѣмъ заслужила? За что, Господи, за что?..

Сильныя, ласковыя руки поднимають и поддерживаютъ ее. Андрей Александровичъ, проснувшись и увидѣвъ, что Наташи нѣтъ, догадался, куда она ушла, и поспѣшилъ къ ней.

— Андрюша, милый, скажи, за что Господь насъ такъ наказалъ, что мы сдѣлали? скажи, скажи, Андрюша!

И, припавъ къ плечу Андрея, она стонетъ безъ слезъ.

Какое ужасное, тяжелое, страшное время!.. Даже теперь, спустя столько лѣтъ, вспоминая эти дни, смертельный холодъ леденить душу и непрошенныя рыданья сжимаютъ горло. А тогда что было!..

Вотъ горе, на которое Господь не даетъ забвенія! Рана въ сердцѣ, которая все время сочится кровью. И, если временами боль и утихаетъ, то только затѣмъ, чтобы опять возобновиться съ большей силой! Неизлѣчимое, незабываемое горе!..

Прошелъ съ лишнимъ годъ, и Наташа снова почувствовала себя матерью. Счастью ея не было границъ. Она ждала этого, какъ небеснаго благословенія. Ее мучило и терзало, что ея ожиданія были такъ долги; она уже рѣшила, что недостойна быть больше матерью. И вдругъ—о счастье! Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ воскликнула она: „Величить душа моя Господа“!..

За этотъ годъ въ ихъ жизни произошло много переменъ. Передѣлка и перестройка купленнаго дома привели къ очень грустнымъ результатамъ. Довѣрчивый и слабохарактерный Андрей Александровичъ попалъ въ руки „дѣльцовъ“, которые его „обставили“, какъ и слѣдовало этого ожидать. Почти весь капиталъ Наташи ушелъ на домъ, а когда переѣхали жить въ него, то оказалось, что на одно жалованье Андрея Александровича прожить было невозможно; домъ заложили за порядочную сумму, а когда пришло время платить по закладной, то денегъ не оказалось и домъ пошелъ съ аукціона. Наташа была огорчена за Андрея Александровича; ее же лично это мало трогало. Елена Ивановна сердилась и ворчала на нее за эту флегматичность. Она все увѣряла, что если бы Наташа относилась съ большимъ интересомъ ко всѣмъ этимъ дѣламъ, то и Андрей Александровичъ былъ бы осторожнѣе. Но, если она рассчитывала, что Наташа своимъ вмѣшательствомъ могла принести

пользу, то она жестоко ошибалась. Наташа жила въ святомъ невѣдѣніи и ничего не понимала въ денежныхъ дѣлахъ, да и Андрей Александровичъ не любилъ ни съ кѣмъ совѣтоваться.

А теперь вдобавокъ она вся была поглощена своимъ положеніемъ. Въ спальнѣ стояла новая колыбель, а въ комодѣ рядомъ каждый день все прибавлялись новыя и новыя стопочки пеленокъ, распашенокъ, биятиковъ и т. д., и т. д. Наташа купила себѣ машинку и шила сама все приданое. Старуха-няня, выходявшая Митюшу, осталась въ домѣ и ухаживала за Наташей, ожидая съ неменьшимъ нетерпѣніемъ появленія на свѣтъ новаго питомца. Кормить же Наташа рѣшила сама, и теперь уже никто не смогъ отговорить ее отъ этого.

— Это моя святая обязанность, — говорила она, не предполагая еще въ то время, какое счастье и блаженство принесетъ ей эта обязанность.

И вотъ въ первыхъ числахъ января 188... года родился Коля. Роды были легкіе, длившіеся едва нѣсколько часовъ. Когда она впервые услышала его крикъ, то съ ней едва не сдѣлалось дурно, но не отъ слабости, а отъ радостнаго волненія, Какъ разсказать, гдѣ найти слова, чтобы описать тотъ восторгъ то блаженство, которые охватили Наташу, когда она впервые приложила новорожденнаго къ своей груди! Немоцное наше слово, которымъ такъ трудно передать избытокъ чувствъ! Вотъ и опять малютка-сынъ около нея! Все время проводить она съ нимъ. Какъ радуется и блаженствуетъ, когда онъ здоровъ и веселъ. Какъ пугается и скорбитъ, когда ему неможется. И горе, и радость — все тутъ. Перваго больше. Потому что даже, когда онъ здоровъ и безпечно веселъ, призракъ *того, страшнаго* всегда передъ ея глазами. Ребенку не вырости безъ болѣзней. И зубы, и простуду легкую схватить! А ужъ въ сердцѣ матери все это выросло въ смертельную опасность. Сколько томительныхъ, бессонныхъ ночей проводить она у его изголовья! А вотъ и корь, обычная дѣтская болѣзнь подкралась незамѣтно. Но и она проходитъ благополучно, и только чудныя, золотистыя кудри приносятся въ жертву и обстригаются безжалостной рукой парикмахера. Головенка выбрита наголо. Вмѣстѣ съ Колей сквозь слезы, смѣется она, собираетъ съ пола дорогія пряди, приказываетъ горничной непременно сжечь ихъ и въ безумной ласкѣ цѣлуетъ своего татарченка.

— Господь милостивый сохранилъ тебя — а о кудряхъ что толковать. Другія выростутъ...

А между тѣмъ жизнь даетъ себя знать. Денегъ больше нѣтъ; подкрадывается нужда, и Андрей Александровичъ съ радостью хватается за мѣсто воспитателя въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. По протекціи, помимо всѣхъ кандидатовъ, директоръ принимаетъ его. И Наташа, и онъ вздохнули свободнѣе. Казенная квартира, освѣщеніе, отопленіе и жалованье. Не нужно платить за квартиру, не нужно покупать дровъ! Это ли не счастье? Это ли не спокойствіе? Устроили новое гнѣздышко и радостно переѣхали туда. Квартира хорошенькая; тепло, свѣтло; а главное—чудный воздухъ, такъ какъ корпусъ за городомъ и дивный паркъ. Котику есть, гдѣ побѣгать и порѣзвиться! Цѣлые дни Наташа проводитъ съ нимъ, играетъ, гуляетъ. Мужа видитъ мало; онъ весь ушелъ въ новую службу, да и дѣла много. По вечерамъ же уходитъ къ товарищамъ перекинуться въ картишки, до которыхъ онъ большой охотникъ.

Коля ужъ восьмой годъ. Мальчикъ на рѣдкость хорошъ собой. Правильный овалъ лица; большіе вдумчивые глаза, тонкій изящный носикъ и красиво-очерченный ротикъ. Новыя кудри опять выросли и цѣлымъ лѣсомъ обрамляютъ милое лицо. Весь онъ такой тонкій, изящный, какъ будто сорвался съ картишки.

Ребенокъ росъ живой, шаловливый, и Наташа едва поспѣвала за нимъ. Хотя няня и жила еще у нихъ, но Наташа не довѣряла даже и ей и все время была сама съ ребенкомъ. Теперь уже нужно было его развивать, говорить, читать съ нимъ.

Въ столовой стоялъ большой мягкій диванъ—это было любимое мѣстопребываніе матери и сына. Въ долгіе зимніе вечера, послѣ обѣда, когда Андрей Александровичъ уходилъ въ корпусъ на вечернія занятія, они просиживали здѣсь часами вмѣстѣ. Наташа читала вслухъ. Коля сидѣлъ рядомъ, прижавшись всемъ тѣльцемъ къ ней, просунувъ ручку подъ ея руку, пригнувшись головкой къ ея плечу. Майнъ-Ридъ, Эмаръ, Жюль-Вернъ, всѣ волшебныя сказки проходили мимо Коли. Съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ ее! Съ какимъ интересомъ и восторгомъ слѣдилъ за судьбою героевъ! Когда же Наташа опускала книгу на колѣни, чтобы немного отдохнуть, то Коля пользовался этимъ временемъ, чтобы фантазировать самому.

— Мамочка, когда я буду большой...

Но Наташа уже не слушала его.

Когда онъ будетъ большой!.. Ея Котикъ—большой, взрослый! Господи, когда это будетъ!

Доживетъ ли она до этого? И неужели онъ когда-нибудь будетъ взрослый мужчина, какъ и всѣ!..

— Мамочка, ты не слушаешь меня!

И Коля, зажавъ ладошками ея лицо, поворачивалъ его къ себѣ и цѣловалъ, чтобы привлечь ея вниманіе.

— Слушаю, слушаю, мой ненаглядный! Ну, такъ вотъ, когда ты будешь большой...

И большой Коля увѣзжалъ въ Америку къ краснокожимъ, плавалъ на подводной лодкѣ и леталъ на воздушномъ шарѣ...

М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

